

ИНЦИДЕНТ ЗАКУЛИСАМИ

№ 7 1973

Три письма на Мурманское театр кукловодство в редакцию с одной посылкой. Писали не артисты, писали люди, чьи имена вообще не встретить в афишах. Контролер В. Расказова, «разжалованная» с выговором в гардеробщицы; завкладом Л. Васильева, ушедшая с выговором в декретный отпуск; завхоз, она же бухгалтер, В. Быкова, уволенная по собственному желанию, — каждая жаловалась на несправедливость.

Вот что писала В. Расказова:

«Муж после небольшой стоянки в мурманском порту ушел в плавание на три месяца. В тот день было два спектакля, и проводить его я никак не могла. Днем он позвонил, хотел сказать, что его отпустили до отхода судна, а меня и телефону чужеречно не позвали. Он через час гордо победил дом. Пошла и я, но в полярной ночи мы разошлись. Когда через два часа разсыпали друг друга, я его распорки не оставалось только 15 минут. В театр я пришла расстроенная, слезы так и лились. И адрес администратор В. Янку показывает на меня в халде работников театра: смотрит-де, Расказова стоит, словно неформальная, она наверняка пьяная...

Докладная записка В. Янку послужила поводом для вынесения строгого выговора «за появление в неформальном состоянии (выпишки)».

Кто прав в этой истории? Сейчас сказать трудно. В таких случаях только справка медицинского освидетельствования — веское доказательство. Время ушло, теперь ничего не докажешь. Но и сейчас эту женщину попрекают старым по поводу и без повода. Она и другое высканье получила за то, что пропустила без билетов школьников, когда учитель забыл талоны в классе — по неосторожности. Так и пошло одно к одному. Была примерной работницей, благодарности получала, стала плохой. А это очень обидно.

...Областной театр куклод, много лет снимавший угол в плохом помещении, занял теперь современно оформленные ленинградскими художниками залы и холлы. Кроме зала, холла и гостиной, отлично отделан кабинет директора — Валентина Семеновна Варшавской. Тягостное впечатление произвела беседа в этом кабинете, куда мы пришли с В. Расказовой. Горячилась чрезвычайно Варшавская, а слезы «жалобщицы» только еще больше ражигали ее.

— Да, не уважаю таких, и никто не заставит меня изменить отношение. Они разве уважают человека, рассылают письма? А я их за это любить стану? Обижаются.

Потом уже Валентина Семеновна спросила с какой-то неподдельной грустью: «Почему все меня боятся? Разве я что-то плохое кому сделала? За двадцать лет не заслужила уважения?»

Спросила меня, человека, в общем-то, постороннего, спросила, искренне недоумевая, неужели права в своих предположениях. Голос дрожал, сжимая в руке бесконечный платок, опущены плечи статной и властной женщины... Даже если не знать в лицо Валентину Семеновну, придя в театр, скажешь сразу: директор — это она. Догадаться по властному тону, по осанке.

В областных организациях, говоря о Варшавской как руководителе, подчеркивали ее организаторский талант: финансовый план всегда выполняется, гастроль в районах Кольского полуострова, где спектакли для строителей, горячков, саами-оленеводов проходят успешно. Словом, лучшего руководителя Мурманского театра куклод себе не представляют, и это просто счастье, что есть Валентина Семеновна.

Конечно, поставить на ноги маленький театр в условиях Крайнего Севера, где населения очень мало, не так просто. Надо же было «выбивать» новое помещение, хлопотать, чтобы увеличили труппу, расширили штат технических работников, поскольку прежде была одна уборщица-гардеробщница, пригласить молодых режиссеров

и художников, дать им квартиры. И вот — черная неблагодарность. На директора пишут жалобы, уходят актеры.

Быть руководителем в наше время — занятие трудное и ко многому обязывающее, особенно в коллективах творческих, где каждый — своеобразная индивидуальность. Сейчас уже не судят о работе, только пробегая глазами сводку выполнения кассового сбора, но заглядывают чутко по глубже: а какова там житейская атмосфера, отношения среди людей?

По моему, Валентина Семеновна сама проглядела тот момент, когда в театре начались раздоры. Уверенная в себе, в своем авторитете, она по частичкам стала разрушать и добрые отношения к себе, и между подчиненными тоже. Появились приказы, выговоры и предупреждения, которые она считала свидетельством повышения требовательности. А это вызвало нервозность.

Возьмем историю с Л. Васильевой.

«Завхозу Васильевой Л. Н. за нанесение мне оскорбления как руководителю предприятия во время несения служебных обязанностей объявить выговор. Предупреждаю, что в случае повторения подобных безтактных поступков будут приняты самые строгие административные взыскания».

Что же здесь случилось?

Когда Л. Васильева поступала в театр, то промолчала, что скоро станет матерью. А Варшавская почему-то обиделась, обвинила молодую женщину в обмане. Обвинение свои она выносила громко, в присутствии работников театра, и те не осмелились прекратить безтактную перепалку. Поскольку силы сторон были неравными, — на поле брани встретились техничный работник и директор театра, — баталия закончилась в пользу руководителя, и появился процитированный выше приказ.

Не знаю, быть может, с точки зрения директора здесь все на месте. Но есть еще и этика взаимоотношений в коллективе, и в ее нормы столь грозное предупреждение никак не укладывается. Обижаются Валентина Семеновна, полагая, будто наказала одну Васильеву. Смысл приказа вышел за рамки частного случая, обрел общественный резонанс. В самом деле, объективно он давал понять всем, что с руководителем лучше не спориться, не пререкаться, а то «будут приняты самые строгие административные взыскания». Кому поднимет настроение такой урок, тем более, что очевидцы видели несправедливость директора? И еще простительно, если бы она была какой новичок, но ведь в театре-то к Варшавской относились с почтением, как к заслуженному работнику культуры РСФСР, двадцать лет прослужившему на ниве искусства, эстетического воспитания людей.

Варшавская правильно подметила отрицательную реакцию сотрудников на выговор технической работнице. Отступать было поздно — написано овером! И в тот же день она совершает другую педагогическую ошибку: выносит новый приказ. Теперь в вину Л. Васильевой ставится халатное отношение к служебным обязанностям, а это уже посерьезнее: в театре «мятые и небрежно надетые шторы, плохо прикрыты окна, из-за чего просочилась вода и испортился подлированный подоконник в гардеробе».

Не успели поутихнуть излившие страсти, как вновь начались дебаты, вновь на живые раны капнули горячим, в театре расцвели второй приказ как гонение на Васильеву.

Почему же приказы Варшавской даже у человека постороннего вызывают чувство неприятия? Я бы сказал: они безтактны, обидны. Любый руководитель обязан заботиться о воспитательных последствиях принимаемых решений, ибо все мы долж-

ны думать о создании в любом коллективе, в труде и быту атмосферы уважительного отношения к человеку, духа товарищества, изыскательности, требовательности к себе и другим.

— Я не ангел, — говорит Валентина Семеновна, — свои недостатки знаю, справедливости люблю...

«Самое страшное, — пишет Л. Васильева в письме Мурманскому облсвопрофу, — что директор своим администрированием убива в людях веру в справедливость».

— На меня Варшавская так накричала по телефону, что я чуть не ушла в обморок. А за что, не знаю толком, она бросила трубку, — говорит В. Быкова.

Эти люди — В. Расказова, Л. Васильева, В. Быкова — тоже не ангелы, простые работницы, со своими недостатками, и лишь тягостная атмосфера в театре заставила их писать в редакцию.

Спрашиваю председателя местного комитета Е. Тренке: почему конфликтные ситуации не обсуждаются на заседании местного или профсоюзного собрания? Вразумительного ответа я не получил: «не принято». Ну, а коммунист? Три зледа КПСС состоят на учете в парторганизации областного драмтеатра. Конечно, коммунистов мало. Но это не значит, что морально-психологический климат коллектива театра куклод может оставаться вне сферы их влияния.

Пожалуй, точно определила стиль работы В. Варшавской начальник управления культуры Л. Ключева: «Окрикну Валентина Семеновна, повышенный тон в общении с сотрудниками, приказы подобны грому среди ясного неба — шуму много, а дождя нет. То есть нет воспитательных результатов. Она уповает на силу приказов, вздаёт их по малейшему поводу, очевидно, не надеясь на личный авторитет. Между тем, — продолжает Лидия Андреевна, — нужно различать положение в коллективе технического персонала и творческого. В последнем складывается молодая, способный юность, подающий большие надежды».

Так ли это? Общая атмосфера не могла не сказаться и на творческой жизни. Я читал письмо Мурманского отделения Союза художников, адресованное Л. Ключевой и В. Варшавской. В нем говорится, что способный художник театра А. Лепков назначен членом художественного совета союза, он приглашается для просмотра работ, и посему часы, проведенные им на заседаниях, убедительно просят не считать прогулом.

А как не считать, если художник, состоящий в штате театра, пропадает целыми днями? В принципе руководитель будет прав, требуя объяснения и наказания. Так в принципе. Но это же обстоятельство здесь обретает иной оттенок, и какие-то справедливые укоры оборачиваются острым углом, взаимной обидой, неприязнью, которые заканчиваются административными мерами директора. Вот и здесь возникла трещина, не захотела Валентина Семеновна понять желание молодого художника, чтобы не в ущерб делу по рос и дальше. А на одних приказах, как бы ни были они обоснованы, оправданны с деловой точки зрения, далеко не уедешь. Что-то неладное и в творческом коллективе. Режиссер Людмила Бубола, первый год работающая в Заполярье после окончания Ленинградского института, тоже тяжело переживает становление. Говорит: ушла бы из труппы, если бы не обязательный срок стажировки.

В театре, этом культурном центре, призванном в людях воспитывать благородные человеческие качества, бороться со злом, не может быть мелочей.

В. СМЕРНОВ,
наш спец. корр.
МУРМАНСК.

СОВЕТЫ И РЕЦЕПТЫ
Г. П. Смирнов